

На правах рукописи

Готного Александр Васильевич

**ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Красноярск – 2014

Работа выполнена на кафедре философии ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Официальные оппоненты: Майер Борис Олегович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», проректор по научной работе

Павловский Валерий Владимирович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет», кафедра философии, профессор кафедры

Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», кафедра «Уголовно-правовые дисциплины», профессор кафедры

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Защита диссертации состоится 04 марта 2015 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.099.17 при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, ауд. 8-06.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», сайт <http://www.sfu-kras.ru>

Автореферат разослан «30» января 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Петров
Михаил Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный мир меняется настолько быстро, что только за последнюю четверть века в калейдоскопическом круговороте стремительно развивающихся событий контуры обозримого будущего в общественном сознании трансформировались, по меньшей мере, три раза. Если на протяжении десятилетия после распада СССР не было более респектабельной парадигмы, чем «конец истории» Ф. Фукуямы, то уже после трагических событий 11 сентября 2001 года возникли фобии перед фундаменталистской альтернативой. Прошло еще чуть более десятилетия и мир, кажется, вернулся к геополитическому противостоянию по оси «Восток – Запад», к состоянию «холодной войны» в ее острой фазе, к той, казалось бы, точке невозврата, которую старались максимально отодвинуть в прошлое все российские реформаторы, начиная с «перестройки». Время неустанно бросает все новые вызовы общественным наукам, как бы испытывая их на способность объяснить и предсказать глубокие социальные сдвиги и метаморфозы. Отвечая на них, обществознание не только подтверждает свое право именоваться наукой, но, что еще важнее, предупреждает общество о грозящих ему в будущем социальных опасностях и катаклизмах, одновременно подсказывая ему необходимые ориентиры развития.

Социальное прогнозирование имеет ту особенность перед естественнонаучным прогнозированием, что его предмет, представляя собой более высокий уровень системной сложности, к тому же еще имеет историческое измерение, которое не сводится к социальной динамике или движению. Историчность общества и вытекающий из нее методологический принцип историзма содержат количественные характеристики, но не ограничиваются ими. Акцент в социальном прогнозировании на количественной стороне исторического процесса представляется вполне оправданным до определенного предела. Сколь бы критичными не были замечания в адрес социальных наук по поводу точности их предсказаний, прогнозирование количественных социальных параметров стало нормой социально-когнитивных практик. Намного драматичнее сложилась ситуация в области прогнозирования качественных социальных изменений. Этот аспект социального прогнозирования зачастую остается за скобками парадигмальных теорий современного обществознания. Между тем предсказание перехода количественных изменений в качественные является отправным пунктом в социальном познании собственно будущего, которое есть не просто календарное будущее, а только такое календарное будущее, социальная реальность которого качественно отличается от социальной реальности календарного настоящего.

Переход количественных изменений в качественные есть один из трех законов диалектики. В этом смысле в любом социальном прогнозе будущего

можно обнаружить диалектические основания. Помимо известных законов диалектические основания включают в себя многоуровневую и разветвленную систему категорий и принципов диалектической логики – своего рода «строительные леса» социального прогнозирования.

Если метод или подход рассматривать как теорию в свернутом виде, то решение методологических проблем социального прогнозирования тесно переплетается с рефлексией над теоретическими основаниями исторического процесса, в котором разворачиваются законы, категории и принципы диалектики. Диалектическое познание прошлого, настоящего и будущего не является прерогативой ни идеалистического, ни материалистического философского направления. Тем не менее материалистическое понимание истории в свое время стало крупным, если не сказать великим, научным открытием, давшему обществу ключ к решению многих «головоломок» общественного развития. Диалектико-материалистический подход, не останавливаясь лишь на анализе количественных, или кумулятивных, изменений в обществе, а попытавшись связать их с революционными, или качественными, общественными преобразованиями, позволил вывести социальное предвидение на научно-теоретический уровень, т.е. на уровень собственно прогнозирования.

Общее тревожное предчувствие глубоких и серьезных перемен в современном мире царит сегодня и в политике и в культуре. Постмодернистский декаданс в философии и науке лишь выражает методологическое бессилие антидиалектического подхода приподнять завесу будущего и заглянуть в завтрашний день. В социальном прогнозировании сложилась кризисная ситуация, характеризуемая невысокой предсказательной силой основных теорий и низким доверием к социальным прогнозам со стороны общества на фоне активного поиска и многочисленных попыток разработки научным сообществом новой парадигмы социального познания. В этой связи обращение к анализу диалектико-материалистических оснований социального прогнозирования приобретает особую актуальность.

Степень разработанности проблемы. В современном социальном прогнозировании существует множество подходов и направлений. Одним из наиболее широко известных направлений является футурология, представленная такими именами, как Д. Белл, И.В. Бестужев-Лада, П. Дракер, Й. Масуда, Г. Кан, Дж. Нейсбит, Т. Сакайя, Э. Тоффлер и др. Поскольку прогностическая функция является одной из основных функций научного познания, то большое число работ, содержащих социальные прогнозы, находится за пределами собственно футурологии. Их систематизация вызывает серьезные затруднения, так как требуется набор критериев, гарантирующих отражение существенных различий в подходах к историческому прогнозированию. Как бы то ни было, в первом приближении имеющиеся исследования можно сгруппировать, обращая внимание на наличие или отсутствие временных рамок у прогнозов. Темпоральный подход, отождествляющий физическое и социальное время, а потому ориентирующий прогнозирование на более или менее точную датировку

будущих социальных событий и явлений, служит методологическим основанием для работ таких авторов, как А.А. Акаев, В.М. Бондаренко, А.В.Коротаев, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, Г.Г. Фетисов, Ю.В. Яковец и др. Соответственно нетемпорального подхода придерживаются исследователи, не ставящие перед собой такой задачи. Среди них следует выделить таких авторов, как А.С. Ахиезер, Л.М.Баткин, Д. Белл, О.Э. Бессонова, С.Д.Валентей, А.А.Зиновьев, С.Г. Кирдина, В.А. Колпаков, Л.И. Нестеров, Н.С. Розов, В.Г. Федотова, А.Г.Франк и др.

Как темпоральные, так и нетемпоральные социальные прогнозы могут выводиться из линейных, циклических и линейно-циклических концепций. Современные исследователи чаще всего определяют свои концепции как нелинейные. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что таковыми эти концепции являются не всегда. В связи с чем к линейным можно отнести социальные прогнозы Л.М. Баткина, Д.Белла, С.Д. Валентея, А.А.Зиновьева, А.В. Коротаева, Л.И. Нестерова и др.; к циклическим – социальные прогнозы А.С.Ахиезера, С.Г. Кирдиной, Н.С. Розова, А.Г.Франка и др.; к линейно-циклическим – социальные прогнозы О.Э. Бессоновой, В.А.Колпакова, В.Г. Федотовой, Н.Н.Федотовой и др.

Среди ученых нет единства во мнении относительно способности социальных наук делать прогнозы. Так, согласно К. Попперу, любая научная теория должна проходить проверку на «предсказания», но это правило не распространяется на область социального познания. Однако последователь К. Поппера М. Блауг уже не делает исключения для экономической науки, а ученик К. Поппера К. Гемпель – для исторического познания. Тем не менее традицию критики «историцизма» сегодня подхватили отечественные исследователи. В частности, Т.И.Ойзерман с позиции многофакторного подхода настаивает на принципиальной невозможности предвидеть отдаленное будущее, а А.С.Карпенко, опираясь на многозначную логику, усматривает в социальных прогнозах признаки тоталитарного мышления.

Существует, однако, и марксистская традиция критики, которую не удовлетворяет не только идея вечного возвращения, постулируемая циклическими концепциями и развенчанная крупными советскими философами Б.М. Кедровым, М.А. Лифшицем, А.Ф. Лосевым и др., но и метафизический способ понимания исторического процесса как таковой.

Позитивистская критика «историцизма», отпочкование гносеологического направления философии истории, представленного такими авторами, как Ф.Р. Анкерсмит, Р. Арон, А. Данто В. Дильтей, Г.Зиммель, Р.Дж. Коллингвуд, Б. Кроче, А. Про, В.Н. Сыров и др., от традиционной философии истории, размышлявшей над проблемами исторического познания в неразрывном единстве с онтологией исторического процесса, склоняют современных обществоведов к отказу от попыток построения новых исторических прогнозов и разработки проблематики социального прогнозирования вообще. Такую позицию по данному вопросу занимают З.Бауман, Т.И. Ойзерман и др.

Противоположной точки зрения придерживаются марксистские исследователи А.П. Бутенко, В.А. Вазюлин, А.М. Гендин, И.А. Гобозов, А.В.Золотов, В.Я. Ельмеев, К.М. Кантор, А.Д. Майданский, В.М. Межуев, Л.А.Мусаелян, М.В. Попов, Ю.И. Семенов и др., а также представители школы мир-системного анализа И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги, А.Г.Франк и др. В то же время ряд авторов выдвигает в качестве новой методологической основы познания и прогнозирования социальных процессов имеющую много общего с диалектикой синергетическую парадигму. Положительно оценивают прогностический потенциал синергетики или строят социальные прогнозы с опорой на нее Г.Г.Малинецкий, Н.Н. Моисеев, М.С. Каган, С.П. Капица, Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов и др.

Весомый вклад в развитие диалектико-материалистического подхода к социальному познанию внесли отечественные философы и методологи Э.А.Араб-Оглы, В.Ф. Асмус, В.А. Вазюлин, М.А. Барг, Э.В.Ильенков, Б.М.Кедров, М.А. Лифшиц, М.М. Розенталь, Г.Х.Шахназаров и др. Эту линию в постсоветском обществознании продолжают А.В. Бузгалин, И.А.Гобозов, С.С. Дзарасов, Р.С. Дзарасов, В.Я. Ельмеев, Л.А.Зеленов, Р.Т.Зяблюк, К.М. Кантор, А.И. Колганов, А.Д. Майданский, Л.А. Мусаелян, Л.Н. Науменко, М.В. Попов, Ю.К. Плетников и др. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования детально разрабатывались в работах А. Бауэра, И.В. Бестужева-Лады, К.-Д. Вюстника, А.М. Гендина, Г. Шульце, Г.Кребера, В. Сегета, В. Эйхгорна и др.

Ряд исследователей пробует совместить диалектику и цивилизационный подход (И.А. Гобозов, В.Ж. Келле и др.) или вернуть ее в лоно идеализма (З.М. Оруджев, И.К. Смирнов и др.). Дуалистический или идеалистический подход к прогнозированию исторического процесса обнаруживается в трудах О.Шпенглера и А.Дж. Тойнби, «евразийцев» Н.Н.Алексеева, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, в концепции «осевого времени» К. Ясперса и др. Философские основания дуализма и плюрализма в социальном познании критически проанализированы А.В. Момджяном.

В классическом виде идеалистическое и материалистическое направления в обществознании представлены соответственно в работах Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса. Марксова теория истории – одно из величайших достижений социально-философской мысли. Если в эпоху идеологического противостояния это приходилось доказывать Л. Альтюссеру и другим видным западным философам, то в наши дни данный тезис считают бесспорным даже некоторые конструктивисты (Т. Рокмор и др.). Однако если структуралистские интерпретации Марксовой теории истории искажают метод (диалектику), то конструктивистские и постмодернистские (Ж.Бодрийяр и др.) подменяют саму ее суть – материалистическое понимание истории. Работы Г.В. Плеханова, Э.В. Ильенкова, М.А. Лившица и Г. Лукача позволяют лучше понять смысл материалистического понимания истории, а исследования В.А. Вазюлина, М.М. Розенталя и др. – субординацию его категорий.

Представители так называемого «творческого» марксизма (А.В.Бузгалин, А.И. Колганов и др.) пытаются дополнить формационную теорию К. Маркса идеями постиндустриализма. Последний имеет сторонников в лице А.П.Бутенко, В.Л. Иноземцева, В.М. Межуева, З.М.Оруджева, Г.Ф. Сунягина и др., но подвергается критике И.А.Гобозовым, Р.С. Гринбергом, С. Жижеком, А.В. Золотовым, В.Я.Ельмеевым, Л.А. Мусаеляном, М.В. Поповым, С.С. Сулакшиным, В.И.Якуниным и др.

Тесно соприкасается с теорией постиндустриализма концепция «технологических укладов» (А.А. Акаев, С.Г. Глазьев, Б.Н. Кузык, Ю.В.Яковец и др.), совмещающая в себе теорию длинных волн Н.Д.Кондратьева, теорию экономического развития Й. Шумпетера и принципы технологического детерминизма и сциентизма. Современные процессы в мире в ней объясняются переходом к шестому технологическому укладу.

Напротив, исходя из антисциентистских и антипрогрессистских посылок, представляет будущее общество как «готическое» Д.Р. Хапаева; Н.В. Мотрошилова предупреждает о наступлении «варварства», а У. Эко утверждает, что «средние века уже начались»; «поминки по Просвещению» справляет Дж. Грей; об «архаизации» общественной жизни пишет Ч.К.Ламажаа и др.

Полнее и глубже позволяют осмыслить исторические тенденции современности концепции «Империи» А. Негри и М. Хардта, «американизации мира» С. Амина, «макдональдизации» Дж. Ритцера, «креативного класса» Р.Флориды, глобализации З. Баумана и У. Бека, «общественного капитала» И. Ставинского и др. Наделены способностью предвидения работы Ж. Бодрийера, С. Жижека и др.

Однако, несмотря на обилие современных концепций и отдельных исследований, посвященных будущему, немногие из них заглядывают за исторический горизонт капитализма, и почти не встречаются такие, которые бы для этой цели использовали методологию «Капитала» К.Маркса. Учитывая те трудности, с которыми сталкивается сегодня обществознание в области прогнозирования, дальнейшая разработка диалектико-материалистических оснований социального прогнозирования представляется необходимой.

Объектом исследования являются диалектико-материалистические основания социального прогнозирования в контексте основных обществоведческих теорий и направлений; **предметом** исследования – принципы и категории, влияющие на прогностический потенциал диалектико-материалистических оснований в социальном познании.

Цель исследования – разработать диалектико-материалистические категории и принципы, повышающие прогностические возможности социального прогнозирования.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- выявить специфику диалектических оснований социального прогнозирования;
- определить прогностический потенциал диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию;
- проанализировать противоречия основных современных версий формационной теории исторического процесса, ограничивающие ее прогностический потенциал, и разработать возможные варианты их снятия;
- адаптировать диалектико-материалистический подход к задачам современного социального прогнозирования.

Методологическая и теоретическая основа исследования

Диалектика является общей методологической платформой данного исследования. Исходя из этого, проблемы социального познания вообще и социального прогнозирования в частности рассматриваются в данной диссертации в тесном единстве с самими историческим процессом.

Диалектика направляет мышление на понимание исторического единства бытия и сознания. Принцип историзма есть атрибут диалектики. Сквозь его призму общество предстает как исторический процесс, как саморазвивающаяся система, пронизанная глубокими противоречиями.

Противоречивость самих оснований общественного бытия детерминирует историческое развитие общества, его качественное преобразование в целом. Каждое такое качественное преобразование есть отрицание предыдущего исторического этапа. Таким образом, историческое развитие подчинено известным законам диалектики.

Особую эвристическую ценность для диссертации имеет метод восхождения от абстрактного к конкретному, образчиком применения которого в научном исследовании служит «Капитал» К. Маркса. Как было продемонстрировано В.А. Вазюлиным, в логическом аспекте композиция «Капитала» соответствует архитектонике «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля. Это значит, что мысль К. Маркса движется по восходящей спирали от познания *бытия* к познанию *сущности, явления и действительности* предмета.

В.А. Вазюлин также показал, что, несмотря на название, метод восхождения от абстрактного к конкретному берет свое начало в «хаотическом представлении о целом». Иначе говоря, мысль сначала движется от чувственного конкретного к абстрактному. На первом этапе именно анализ выступает в качестве доминантного метода, а синтез – компенсаторного. Только достигнув самого абстрактного уровня, мысль начинает обратное движение, но уже к теоретическому конкретному, которое выступает результатом логического синтеза.

Реализация методологии «Капитала» К. Маркса в ходе адаптации диалектико-материалистического подхода к задачам современного социального прогнозирования в данной диссертации имела следующую особенность: брался не зрелый предмет, каковым предстает капиталистический способ производства в произведении классика, а предмет в самой начальной стадии его становления, поскольку речь идет о будущем

типе общества. К моменту написания «Капитала» политэкономия уже проделала длинный путь познания от чувственного конкретного к абстрактному, что давало К. Марксу право вынести анализ этого движения в так называемый четвертый том «Капитала», известный под названием «Теории прибавочной стоимости», и начать первый том непосредственно с восхождения от абстрактного к конкретному. В данной диссертации движение мысли от «хаотического представления о целом» (В.А.Вазюлин) к абстрактному составляет содержание самого процесса социального прогнозирования. Тем не менее в структурном отношении внутренняя логика социального прогнозирования прехождения существующего и формирования нового типа общества соответствует логике восхождения от абстрактного к конкретному «Капитала» К. Маркса и «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля.

Теоретической основой исследования послужила формационная теория истории, которая была подвергнута логической обработке с учетом законов диалектики. Определить основную тенденцию развития современного общества невозможно без анализа базисных, то есть экономических, отношений. Поэтому дополнительным теоретическим источником исследования стала политэкономия К. Маркса, прогностическую силу которой в очередной раз подтвердил мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг.

Научная новизна исследования состоит в следующем.

1. Показана неправомерность смешения физического (календарного) и социального времени в социальном прогнозировании.

2. Проблема прогнозирования в современных социальных науках определена как метафизический (антидиалектический) отход доминирующих теоретических направлений от последовательной реализации принципа историзма, что выражается в ограничении развертывания данного принципа в будущее.

3. Выявлены и проанализированы диалектические основания синергетической парадигмы социального прогнозирования.

4. Определен и сопоставлен прогностический потенциал соответственно монистического и дуалистического понимания истории, а также диалектико-идеалистического и диалектико-материалистического подходов к социальному прогнозированию.

5. Проанализированы дискуссионные социальные прогнозы «Капитала» К.Маркса в преломлении через «Науку логики» Г.В.Ф. Гегеля и с учетом последних эмпирических данных. В частности, в результате реконструкции логики «Капитала» К. Маркса логический статус так называемого «всеобщего закона капиталистического накопления» определяется как «переход сути в существование», а не как «полное основание сущности», что имеет важные теоретико-методологические последствия для положительной оценки прогностической силы этого и ряда других политэкономических законов, открытых классиком.

6. Проанализированы современные версии формационной теории и вскрыты их противоречия, заключающиеся в попытках совместить

материалистическое понимание истории с цивилизационным подходом, с такими принципами, как технологический и культурологический детерминизм, что ведет к дуализму, нарушающему диалектические принципы единства тождества и различий, единства всеобщего, особенного и единичного.

7. Выявлена специфика социального прогнозирования и продемонстрирована прогностическая функция «закона зеркальности» и «принципа предельности» на нисходящей стадии формационного развития общества.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. В современном обществознании обозначилась тенденция антиисторизма, пронизывающая как номиналистические теории, так и теории, апеллирующие к социологическому реализму. В концептуальных построениях исследователей доминируют статичные, утратившие историческое измерение модели общества в том смысле, что историзм этих моделей ограничен рамками настоящего, не обращен в будущее. Одной из причин сложившейся ситуации является углубление дисциплинарного размежевания обществознания. «Ментальность микроскопа» (И.Валлерстайн) создает непреодолимые препятствия для проникновения в сущность предмета. Так блокируется способность исследователя познать закономерности общественного развития.

2. Ограничение историзма в дискурсе социальных наук не позволяет адекватно оценивать кризисные явления, периодически (а некоторые уже перманентно) сотрясающие современное общество. Действительно, статичный образ современности либо вообще исключает из проблемного поля эти явления, либо подталкивает исследователя к тому, чтобы интерпретировать их как случайные и кратковременные нарушения устойчивого социального равновесия. Напротив, если рассматривать кризисы в исторической перспективе, т.е. как «поворотные пункты» социального развития (что само по себе справедливо с этимологической точки зрения), то нельзя уклониться от вопроса о том, скрываются ли за ними закономерные процессы перехода современного общества в другое качественное состояние.

3. Как сами социальные прогнозы, так и оценки их правильности или результативности исходят из явного или неявного отождествления физического и социального времени, стирающего онтологические различия между социальной и физической реальностью. Выход социального прогнозирования на более высокую ступень может быть намечен только при условии различения социального и физического времени.

4. В решении проблем социального прогнозирования оказываются малопродуктивными такие познавательные средства, как многозначная логика и принцип нелинейности. Декларативное неприятие принципа линейности, фобии перед логическим фатализмом (детерминизмом) чаще всего являются попытками подменить одни линейные концепции истории другими. Методологическая ошибка, однако, заключается не в принципе

линейности как таковом, а в сужении исторического горизонта до институциональных границ современного западного общества.

5. Идея вечного возвращения, как правило, выступает основополагающей для социальных прогнозов, касающихся будущего России, причем независимо от того, к какой интеллектуальной традиции – либеральной или «почвеннической» – они тяготеют. Мировоззренческие установки исследователей лишь отражаются на их оценках инвариантности будущего: оптимизму «почвенников» противостоит пессимизм либералов.

6. Анализ современных теорий и концепций, содержащих социальные прогнозы, показывает, что многие из них являются дуалистическими. Учитывая тот факт, что эти прогнозы либо не подтверждаются, либо не являются ими по существу, можно говорить о прогностической слабости и методологической несостоятельности дуалистического понимания истории. Плюрализм, понимаемый как «умноженный дуализм» (В.Я. Ельмеев), лишь усугубляет положение дел.

7. Материалистическое понимание истории имеет более высокий прогностический потенциал, чем идеалистическое, в чем можно убедиться, сравнив материалистические и идеалистические прогнозы, воспользовавшись концепцией фальсификационизма К. Поппера. В целях соблюдения чистоты мысленного эксперимента необходимо нивелировать влияние метода на прогнозирование. Поэтому корректно сравнивать между собой только материалистические и идеалистические прогнозы, полученные с помощью одного и того же метода. Указанным требованиям отвечают социальные прогнозы «Капитала» К. Маркса и «Философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, что дает право считать результат их сравнения репрезентативным для оценки прогностического потенциала материалистического и идеалистического понимания истории в целом.

8. Реконструкция логики «Капитала» не только дает ключ к правильному пониманию диалектики, но и является важным этапом на пути выработки перспективного научного метода исторического прогнозирования. В свою очередь для успешной реконструкции логики «Капитала» нужен особый «словарь», с помощью которого политэкономические категории и логические связи между ними можно перевести на язык диалектики. Функцию такого «словаря» выполняет «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля.

9. Процессы производства и обращения капитала, а также процесс капиталистического производства, взятый в целом, в логическом аспекте соответствуют диалектическим категориям *сущности*, *явления* и *действительности*. Знание диалектических законов восхождения от абстрактного к конкретному, от *сущности* к *действительности* позволяет определить логический статус «всеобщего закона капиталистического накопления» как *переход сути в существование*. Следовательно, его нельзя рассматривать как *полное основание* капиталистического способа производства. Критические замечания, которые имеют цель опровергнуть тезис об относительном и абсолютном обнищании широких масс населения в капиталистическом обществе, правомерны только тогда, когда «всеобщий

закон капиталистического накопления» в логическом аспекте отождествляется с *полным основанием* сущности. Если же говорить об этом законе как о *переходе сути в существование*, т.е. как о связующей сферу *сущности* в сферу *явления* логической категории, то тогда известные критические замечания в его адрес из опровержений превращаются в иллюстративные приложения к нему.

10. Диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному в целях социального прогнозирования методологически оправданно только на адекватной теоретической основе, каковой является формационная теория. Однако прогностический потенциал формационной теории значительно снижается в случае эклектического смешения материалистического понимания истории с принципами технологического и культурологического детерминизма. Формационная теория может интегрировать результаты близкого к ней мир-системного анализа в той мере, в какой они соответствуют принципу материалистического монизма.

11. Поскольку капитализм представляет собой исторически преходящий способ производства, постольку дальнейшее логическое восхождение предполагает *снятие* противоречий данной системы. Причем предпосылки (*начало*) новой системы имплицитно содержатся в предыдущей, а, следовательно, задача заключается в их экспликации. В логическом аспекте искомые предпосылки новой системы находятся в сфере *действительности* старой системы, т.к. именно эта сфера представляет собой логическое завершение (окончание) предыдущей системы. Здесь, говоря словами К.Маркса, обнаруживается та «более конкретная категория», которая впоследствии превратится в чистую абстракцию более «развитой формы общества».

12. Прогнозирование на нисходящей стадии формационного развития общества имеет отличительную особенность, заключающуюся в том, что исследователь должен учитывать действие «закона зеркальности» (А.А.Зиновьев), усиливающего проявления рудиментарных процессов, которые были характерны для общества, находившегося на более низкой формационной ступени развития. «Принцип предельности» (М.А. Барг) удерживает от теоретической архаизации наблюдаемых и прогнозируемых тенденций, ориентируя интерпретацию проявлений «закона зеркальности» на категории прехождения старого и формирования нового формационного типа общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования
Результаты исследования могут быть использованы в качестве общей теоретической и методологической основы для построения социологических, экономических и политологических прогнозов. Основные выводы могут быть включены в учебные курсы по социальной философии, философии истории и философии науки.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены на III Международной научно-практической конференции «Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV

Крушановские чтения» (Комсомольск-на-Амуре, сентябрь 2005 г.), Международной междисциплинарной научной конференции «Машины. Люди. Ценности» (Курган, апрель 2006 г.), Всероссийской заочной электронной конференции «Массовое сознание в России: современное состояние и тенденции изменения» (Комсомольск-на-Амуре, ноябрь 2006 г.), Международной научной конференции «1917 – 2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социокультурные параметры)» (Москва, апрель 2007 г.), Международной научно-практической конференции «История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР» (Комсомольск-на-Амуре, октябрь 2007 г.), Международной научно-практической конференции «Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций (Комсомольск-на-Амуре, сентябрь 2008 г.), Международной научной конференции, посвященной 55-летию со дня рождения профессора В.Д.Жукоцкого «Философия как призвание. VII Марксовские чтения (Нижневартовск, март 2009 г.), Международной научной конференции «Судьбы социального гуманизма: философия, политика, экономика. VIII Марксовские чтения» (Нижневартовск, март 2010 г.), Региональной заочной научно-практической конференции «Система образования на Дальнем Востоке России: прошлое и настоящее» (Комсомольск-на-Амуре, декабрь 2010 г.), Всероссийской заочной электронной конференции «Объективные предпосылки и субъективные факторы революционного разрешения социальных противоречий» (Комсомольск-на-Амуре, 2010 г.), Всероссийской научной конференции «Антропология субъективной реальности» (Хабаровск, Усурийск, Владивосток, июнь 2011 г.).

Основные результаты исследования отражены в 33 публикациях общим объемом 48,62 п.л. (включая 15 статей в журналах, рекомендованных ВАК).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и библиографического списка. Объем работы составляет 290 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, освещается степень разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, раскрывается методологическая и теоретическая основа исследования, демонстрируется его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, апробация результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой** главе – «**Пролегомены к диалектике социального прогнозирования**» – выявляется специфика диалектических оснований социального прогнозирования.

Глава начинается с параграфа «**Понятие, специфика и основные категории социального прогнозирования**», в котором через основные категории социального прогнозирования раскрывается его специфика. «Прогнозирование» вообще рассматривается здесь как видовое понятие по

отношению к родовому понятию «предсказание», а последнее – как видовое по отношению к родовому понятию «предвидение». Свойство научности отличает прогнозирование от всех других типов предвидения.

Специфика социального прогнозирования объясняется более высоким уровнем системной сложности, каковым обладает предмет социального познания – общество. В области социального прогнозирования это проявляется, в частности, в феномене, названном К. Поппером «Эдиповым эффектом». Суть последнего заключается в том, что социальные прогнозы влияют на социальное будущее, что не характерно для естественнонаучных прогнозов.

Другой отличительной чертой социального прогнозирования является то, что его предмет постоянно развивается. Это значит, что социального прогнозирования есть по существу историческое, т.е. такой способ познания будущего, который предполагает качественные изменения системы общественных отношений.

Анализ понятия социального прогнозирования в первом приближении можно резюмировать следующим образом. Социальное прогнозирование представляет собой одну из важнейших функций социального познания. Эта функция состоит в выработке социальных прогнозов, т.е. научно выверенных социальных предсказаний. В отличие от ненаучных форм предвидения социальное прогнозирование имеет под собой глубокие научно-теоретические основания, опирается на знание социальных законов и закономерностей. В сравнении с естественнонаучным прогнозированием социальное прогнозирование обладает определенной спецификой: 1) предмет социального прогнозирования онтологически сложнее, чем предмет естественнонаучного прогнозирования; 2) социальное прогнозирование порождает «обратную информационную связь»; 3) атрибутом социального прогнозирования является принцип историзма.

Результатом прогнозирования выступает прогноз. В параграфе оспаривается распространенная в научной литературе точка зрения, что любой прогноз должен иметь темпоральные характеристики. Применительно к социальным прогнозам данное требование не учитывает качественных различий между социальной и физической реальностью, отсутствие внутренней связи между социальным и физическим (календарным) временем.

Как убедительно показал А.М. Гендин, неопределенность будущего выражается в диалектике достоверности и вероятности социального прогноза. Понятия достоверности и вероятности, таким образом, выполняют важную методологическую функцию в социальном прогнозировании. Вместе с тем в параграфе проводится мысль, что вероятность есть субъективная мера объективной возможности, а последняя в диалектике выступает в паре с категорией действительности. Следовательно, возможность и действительность суть характеристики объективно-истинного знания, тогда как достоверность и случайность относятся к субъективной стороне знания.

Не всякая возможность становится действительностью. Можно выделить три уровня (стадии) прехождения возможности: 1) формальная, или абстрактная, возможность; 2) реальная возможность; 3) полная, или конкретная, возможность. Формальная возможность граничит с ситуацией абсолютной объективной неопределенности. Поэтому вероятность прогноза, содержащего информацию о формальной возможности прогнозируемого явления, близка к нулю.

Реальная возможность есть такой момент настоящей действительности, который характеризуется условной объективной определенностью. Вероятность прогноза, содержащего информацию о реальной возможности прогнозируемого явления, позволяет говорить о таком прогнозе как относительно достоверном.

Реальная возможность, становясь моментом будущей действительности, превращается в полную, или конкретную, возможность. Для того чтобы реальная возможность превратилась в момент будущей действительности, она должна полностью реализоваться. Полная реализация реальной возможности настоящей действительности есть ее диалектическое отрицание в будущем, или реальная необходимость будущей действительности. Прогноз, в котором реальная необходимость предсказываемых явлений полностью доказана или подтверждена, можно считать абсолютно достоверным.

Реальная необходимость просвечивается сквозь завесу реальной возможности. По Гегелю, они различны лишь по видимости, пребывая в отношении друг к другу как содержание и форма. Но поскольку реальная необходимость по форме есть хотя и реальная, но лишь возможность, постольку реальная необходимость содержит случайность. Вслед за Гегелем случайность можно определить как единство формальной возможности и настоящей действительности. Становление будущей действительности, таким образом, зависит не только от реальной необходимости, но и от случайности.

Предметом социального прогнозирования является становление будущей социальной действительности. Поэтому далее в параграфе раскрывается понятие становления, при этом оспаривается точка зрения А.Ф.Лосева, согласно которой становление лежит в основе любого движения. Напротив, показывается, что становление есть более сложный процесс, чем движение.

Будущая социальная действительность зависит от направленности становления будущего. Эту направленность, как справедливо заметил А.Ф.Лосев, фиксирует категория развития. Проблема направленности общественного развития сопряжена с диалектикой необходимости и свободы. Незрелым общественным формам присуща формальная свобода развития. Становление сущности общества означает переход его от незрелости к зрелости. Дальнейшее его развитие в гораздо меньшей степени подчинено «слепой» необходимости, т.к. путь развития теперь озарен, выражаясь словами Гегеля, «внутренним солнцем свободы», что находит свое

выражение в возрастающей роли целеполагания в общественной практике. Свобода, проявляющаяся в «субъективной стороне» (целеполагании) общественного развития, согласуется с его «объективной стороной», т.е. необходимостью становления, или закономерным характером общественного развития, а следовательно, признание свободы общественного развития не означает невозможность научного предсказания социального будущего. Целеполагание – это социально-идеальный момент общественного развития. В той мере, в какой целеполагание соответствует законам общественного развития, оно объективно, а результат достижим и прогнозируем. Тот факт, что деятельность людей носит сознательный и волевой характер, не противоречит высказыванию о существовании неких законов общественного развития, а лишь указывает на их специфику.

Категория направленности общественного развития актуализирует вопрос об исторических альтернативах. В параграфе утверждается, что между основной направленностью общественного развития и историческими альтернативами нельзя ставить знак равенства. В то же время исторические альтернативы неправомерно сводить к случайностям. Основная направленность общественного развития отличается от исторических альтернатив соотношением реальных и формальных возможностей. Основная направленность общественного развития содержит в себе формальную возможность, над которой преобладает реальная возможность. Напротив, хотя исторические альтернативы и содержат в себе реальные возможности, но последние уступают место возможностям формальным. Исторические альтернативы не только случайны, но и необходимы, тогда как основная направленность общественного развития не только необходима, но и случайна. Единство основной направленности общественного развития и исторических альтернатив и образует то, что называется историческим процессом, или историей.

Во втором параграфе – **«Метафизические основания социального прогнозирования»** – исследуются методологические предпосылки, ограничивающие принцип историзма в области социального прогнозирования. В частности, показывается, что для доминирующих в современном обществознании теорий и направлений характерен статичный образ общества. Этому поспособствовала дисциплинарная дифференциация некогда единого обществознания, формирование в социальных науках особой «ментальности микроскопа» (И. Валлерстайна). Идея «конца истории» возникла задолго до появления известной публикации Ф. Фукуямы. Она была встроена в сами парадигмальные основания так называемого «номотетического трио» (И. Валлерстайн), куда вошли экономическая наука, социология и политология.

Так, в экономической теории, представленной экономиксом в качестве ее мейнстрима, по признанию ряда исследователей (С. Амин, А.В. Бузгалин, М. Блауг, С.С. Дзарасов, Р.Т. Зяблюк, А.И. Колганов, Й. Шумпетер и др.), существует иррациональная вера в рынок, находящийся в состоянии общего равновесия. Рынок считается «естественной» организацией экономической

жизни общества. Акцент на «естественности» рынка подчеркивает его исторически непреходящий характер, что значительно снижает эвристический и прогностический потенциал экономической теории. Об этом красноречиво свидетельствуют такие драматичные эпизоды из современной истории, как Великая депрессия в США, рыночные реформы в бывших «социалистических» странах и мировой экономический кризис 2008-2009 гг.

Аналогичная ситуация сложилась и в «академической социологии», о наступающем кризисе которой предупреждал в свое время А.У. Гоулднер, указывая на идеологическую предубежденность последней в непреходящем характере существующего типа общества.

Со статичными представлениями о социальной и экономической системах соответственно в «академической социологии» и экономике корреспондирует статичный образ политической системы в политологическом мейнстриме. Единицей анализа здесь так же выступает система в равновесии (Р.Х. Чилкот). Историзм в политической теории рассматривается некоторыми исследователями (Л. Штраус и др.) как противоречие в основаниях, что дает Ф.Р. Анкерсмиту право говорить о возникновении кризиса историзма.

Таким образом, доминирующие направления в социальных науках имеют под собой метафизические основания, поскольку принцип историзма в них не получает должного развития. Это выражается, в частности, в ослаблении прогностической функции, которая сводится к механическому проецированию фактов и опыта настоящего на будущее, т.к. метафизический способ понимания не проводит качественных различий между настоящим и будущим.

В третьем параграфе – **«Дивергенция метафизических и диалектических оснований социального прогнозирования»** – анализируются социальные концепции, которые претендуют на методологическое преодоление метафизического способа понимания социального бытия. Альтернативой метафизике в этом смысле выступает диалектика, которая нацеливает исследователя на последовательную реализацию принципа историзма в социальном познании вообще и социальном прогнозировании в частности. Задача, следовательно, заключалась в выяснении того, насколько диалектичными являются выдвигаемые сегодня некоторыми обществоведами теории и концепции, вносящими в социальные науки историческое измерение, причем критерием могут служить строящиеся на основе этих теорий и концепций социальные прогнозы.

Так, изучение «теории социальных альтернатив» позволило усомниться в ее диалектическом характере, поскольку вытекающий из нее прогноз строится на убеждении, что главное историческое событие – «общецивилизационный сдвиг» – уже свершилось, т.е. будущее уже наступило. Но если внимательно присмотреться к явлениям, выдаваемым за признаки «общецивилизационного сдвига», то выяснится, что в них нет ничего нового. Например, расширение акционерного капитала выдается за

переход от «частной» собственности к «публичной». Если расширение акционерного капитала является симптомом «общецивилизационного сдвига», то таковой наблюдал еще К. Маркс.

Широкое признание в отечественной социальной науке получила концепция социокультурной динамики России А.С. Ахиезера. Ее автор выступает сторонником культурологического детерминизма, т.е. отдает культуре приоритет как фактору, определяющему все остальные аспекты жизнедеятельности общества. Культура здесь описывается в категориях противоположных полюсов нравственности. Поэтому исторический процесс предстает как постоянное инверсионное движение от одного полюса к другому. Правда, указанное движение может перерасти в «медиацию». Как бы то ни было, медиация не присуща историческому опыту России, а потому будущее нашей страны с точки зрения «критики исторического опыта» предстает таким же однообразным и трагичным, как и ее прошлое.

Постсоветский период истории России удивительным образом укладывается в предложенную схему социокультурной динамики. Новая Россия уже успела пройти путь от «раннего соборного идеала» к «умеренному авторитарному идеалу». И хотя на историческом горизонте еще нет заметных признаков намечающегося перехода к «раннему идеалу всеобщего согласия», смущает вовсе не их отсутствие, а та парадоксальная механическая повторяемость, с какой «маятник» А.С. Ахиезера отбивает социокультурные такты российской истории. Это тем более странно, если учесть, что с точки зрения диалектики механическая, или полная, повторяемость выступает лишь моментом развития, играет по отношению к последнему подчиненную роль в природных и социальных процессах. В концепции же А.С. Ахиезера, напротив, развитие (медиация) выступает подчиненным моментом по отношению к повторяемости (инверсии). Да, можно говорить о некоей социокультурной динамике, но не об историческом развитии. Но к прогнозу, постулирующему идею вечного возвращения, относиться нужно крайне осторожно.

Отечественные исследователи, стоящие, казалось бы, на совершенно разных методологических позициях, часто предлагают схожие социально-исторические онтологии, если предметом нарратива становится прошлое и будущее России. В той или иной степени в них воспроизводится идея механической повторяемости, «эффекта колеи» (Н.С. Розов). Правда, в отличие от постмодернистов, авторы меганарративов все-таки предлагают масштабные социальные проекты по выходу страны на новую историческую траекторию, для чего необходимо будет, по их замыслу, за очередным историческим «перевалом» выбрать верный путь к «устойчивой демократии», наподобие той, что уже существует в странах Запада. В то же время российские либеральные мыслители уже не испытывают былого оптимизма начала 1990-х годов в духе Ф. Фукуямы, и оценивают риски «авторитарного отката» назад в «колею» как очень высокие.

В проектах либерального обустройства России содержится, на наш взгляд, изрядная доля субъективизма. Об этом свидетельствует крайне низкая

вероятность реализации либерально-демократического «транзита». Отсюда следует, что перспектива исторической «колеи» для будущей России остается почти фатально неизбежной.

Метафизический подход к социальному прогнозированию возводит механическую повторяемость в исторический принцип. Идея вечного возвращения, движения по кругу нашла отражение и в работах некоторых видных западных исследователей (А.Г. Франк и др.) с той лишь разницей, что «маятник» истории совершает колебательные движения не в воображаемом социокультурном, а в самом настоящем физико-географическом пространстве, причем в планетарном масштабе.

Особое место в современном отечественном общественном сознании занимает концепция «трех великих трансформаций», разработанная авторским коллективом во главе с В.Г. Федотовой. В этой концепции категория «капитализм» не подменяется более абстрактными понятиями «модерн» и «постмодерн», а наполняется новым социально-историческим содержанием, т.е. предпринимается попытка рассмотреть капитализм диалектически, а не метафизически.

В центр социально-философского анализа ставятся взаимоотношения экономики и общества при капитализме. Кардинальное изменение этих взаимоотношений и определяется как «великая трансформация». Так, в условиях «доклассического» капитализма рынок и «традиция» для общества функционально равнозначны. «Первая великая трансформация» приводит к тому, что рынок становится доминирующим социальным фактором; «Вторая великая трансформация» – это попытка высвободить общество; «Третья великая трансформация» – это выдвижение на «значимые места» политики, этики и культуры.

Дальнейшая эволюция капитализма означает его распространение на другие цивилизации. Этот процесс описывается в терминах «первой» и «второй» глобализации. Если «Первая великая трансформация» порождает глобализацию, то «Вторая великая трансформация» ее прерывает, а «Третья великая трансформация» ее возобновляет. Свойством, отличающим «вторую» глобализацию от «первой», является переход глобального лидерства от стран Запада к Китаю и другим азиатским странам.

Согласно данной концепции, будущее содержит «множество вариантов развития», но выделяются два альтернативных сценария развития капитализма: 1) «общество для рынка» и 2) «рынок для общества». Вопрос о возможности возникновения некоей альтернативы капитализму в будущем представляется «наиболее проблематичным». Конечный вывод состоит в том, что будущее всего человечества лишь повторяет капиталистическое прошлое Запада.

Попытка объяснить «три великие трансформации капитализма» через развитие противоречия «общество – рынок» указывает на диалектический характер анализируемой концепции. Вместе с тем данная концепция имеет и метафизические основания, поскольку историческое будущее человечества не просматривается далее существующей капиталистической перспективы.

В заключительном параграфе первой главы – «Синергетика и диалектические основания социального прогнозирования» – сравниваются основные принципы и положения синергетики и диалектики, их прогностические возможности.

Исходным принципом синергетики является утверждение о системной сложности изучаемых объектов. Принятие его в качестве основополагающего не означает капитуляцию перед агностицизмом, а лишь формирует особое видение проблемы познания, настраивает исследователя на определенный алгоритм ее решения. Первым шагом на этом пути должно стать «выделение части из целого», некоей «ведущей переменной» в конструируемой теоретической модели (С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий). Но «выделение части из целого», «ведущих переменных» суть лишь разные названия хорошо знакомого всем метода анализа. Таким образом, из признания сложности окружающего мира следует необходимость применения анализа в качестве метода его исследования.

Следующая идея синергетики постулирует вариативность исторического процесса и «неоднозначность» будущего. Синергетика придает огромное значение субъективному фактору в истории, а точнее, роли самого человека в организации и строительстве своего будущего.

В диалектике вариативность исторического процесса выражается с помощью противоположных понятий «возможность» и «действительность». Более того, здесь варьируется сама степень возможности. Так, возможность может быть формальной и реальной. В этом смысле «выход в будущее» с точки зрения диалектики тоже «неоднозначен». В диалектике развитие понимается как восхождение по спирали, т.е. тоже как нелинейный процесс.

Синергетика расходится с диалектикой в том месте, где она апеллирует к «мягкому управлению», исключая тем самым из собственных оснований идею противоречия. В остальном между синергетикой и диалектикой нет серьезных разногласий в методологическом отношении. Однако закон единства и борьбы противоположностей играет в диалектике центральную роль. Отсутствие его в синергетике ослабляет прогностическую функцию последней. В частности, проанализированные в диссертации социальные прогнозы, опирающиеся на методологию синергетики, ограничиваются простой аналогией между современным Западом и будущим всего мира, редуцируются к описанию сегодняшних реалий наиболее передовой части человечества.

В диссертации показано, что прогноз есть результат диалектического синтеза. Важно определить сами составляющие этого синтеза – тезис и антитезис. В.С. Степин указывает на очень важный принцип гегелевской диалектики – «погружение в основание». Его суть заключается в том, что каждый новый диалектический уровень развития системы «перестраивает» ее основания, в связи с чем маловероятные сценарии эволюции системы на низшей или более низкой стадии ее развития могут стать наиболее вероятными на ее высшей или более высокой стадии. «Случайность» как антитезис сравнительно узкого исторического горизонта в более отдаленной

перспективе превращается в необходимость, тогда как «необходимость», напротив, становится случайностью. Однако познать ее возможно, поскольку наличие сущности «зрелого органического целого» указывает на ее необходимость. Таким образом, мы получаем необходимый (а не случайный) синтез, содержащий в себе «новое» знание и достоверный прогноз.

Во **второй** главе – **«Прогностический потенциал диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию»** – предпринята попытка определения прогностического потенциала диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию.

В **первом** параграфе – **«Дуалистические и идеалистические направления в социальном прогнозировании»** – раскрываются дуалистические и идеалистические предпосылки ряда популярных сегодня социальных концепций, претендующих на выполнение прогностической функции в современном обществознании.

В методологическом аспекте дуализм и производный от него плюрализм означают подмену принципа детерминизма функционализмом, не раскрывающим причинно-следственные связи. В онтологическом же аспекте дуализм и плюрализм отрицают существование внутреннего единства мира. Последний как бы раскалывается на две части (дуализм) или рассыпается на бесчисленное множество осколков (плюрализм).

М. Вебер и Р. Арон, Д.Белл и Э. Гидденс, а также многие другие авторитетные ученые приложили немало усилий для утверждения в обществознании «модели множественной каузальности» (А.У. Гоулднер). Плюрализм как «умноженный дуализм» (В.Я. Ельмеев) лежит и в основе известных цивилизационных концепций истории О. Шпенглера и А.Дж.Тойнби. Однако, пристально взглядываясь в концептуальные построения основоположников цивилизационного подхода, можно заметить их идеалистический характер. Сказанное также касается концепции всемирной истории К. Ясперса и философии истории «евразийства».

Дуализм (а тем более плюрализм) лишен последовательности идеализма, будучи им по своей сути. Поэтому, говоря словами Г. Лукача, «утрачиваются ориентиры деятельности», что свидетельствует о расплывчивости и неясности дуалистических (плюралистических) прогнозов. Следовательно, дуализм (плюрализм) нельзя рассматривать в качестве адекватной методологической базы для исторического прогнозирования.

При всей важности учета влияния на становление будущего различных факторов методологически оправданным является требование их теоретической субординации. Признание рядоположенности факторов социального развития автоматически означает равную возможность реализации любой альтернативы. В таком случае стираются различия между формальными и реальными возможностями, возможностью и действительностью: все возможное – действительно. В конечном счете исчезает перспектива будущего, поскольку последнее полностью растворяется в настоящем. Наступает постмодернистский конец истории,

порождающий ситуацию абсолютной неопределенности не только отдаленного будущего, но и настоящего.

Во втором параграфе – **«Прогностический потенциал диалектико-идеалистического и диалектико-материалистического подходов к социальному прогнозированию»** – сравниваются прогностические возможности двух диалектических концепций истории – Г.В.Ф. Гегеля и К.Маркса. Обращение к научному наследию этих двух корифеев диалектики, объясняется тем, что первый был наиболее последовательным идеалистом, а второй – наиболее последовательным материалистом. Для сравнения была использована концепция фальсификационизма К. Поппера, предлагавшего подвергать теории дедуктивной проверке по ряду критериев, причем приоритет должен отдаваться тесту на «предсказания». То, что такая дедуктивная проверка возможна не только в естественных науках, но и науках исторических, не остается сомнений после того, как К.Гемпель убедительно показал, что любое историческое объяснение строится на явном, а чаще неявном предположении наличия некоего закона. Логическая же структура научного объяснения и прогноза одинакова. Таким образом, мы приходим к следующему заключению. Во-первых, научная теория исторического процесса должна устанавливать законы истории. Во-вторых, с помощью этих законов научная теория должна объяснять и прогнозировать исторические события или процессы. В-третьих, опровержение исторических прогнозов фальсифицирует научную теорию.

Сравнительный анализ идеалистической философии истории Гегеля и материалистического понимания истории Маркса в точном соответствии с дедуктивной моделью проверки теорий, предложенной К. Поппером, дал следующие результаты. Историческая концепция истории Гегеля не выдержала испытания ни по одному из четырех тестов (на внутреннюю непротиворечивость, эмпиричность/тавтологичность, прогрессивность, способность давать «предсказания»). Напротив, материалистическое понимание истории является теорией (1) внутренне непротиворечивой, (2) эмпиричной, (3) прогрессивной, (4) «предсказывающей». Таким образом, материалистическое понимание истории обладает большей прогностической силой, чем идеалистическое.

Третий параграф – «Дискуссионные социальные прогнозы «Капитала» К. Маркса» – посвящен анализу спорных прогнозов, содержащихся в главном труде классика марксизма.

Пожалуй, наибольшей критике был подвергнут выводимый из «всеобщего закона капиталистического накопления» прогноз, согласно которому в капиталистическом обществе будет расти бедность. Споры относительно его достоверности не утихают и сегодня. Часть исследователей (И.Д. Ковальченко, Т.И. Ойзерман и др.) считает данный прогноз опровергнутым. Однако в общественном сознании сегодня высказываются и прямо противоположные суждения (С. Амин, Э. Балибар, И.Валлерстайн, Т.Рокмор, Н. Хомский и др.).

Официальная международная статистика свидетельствует, что в мире в целом уровень бедности постепенно снижается, причем это происходит не за счет показателей в развитых странах, где пауперизм почти равен нулю, а за счет роста благосостояния населения в странах развивающихся. В то же время возрастает разрыв между богатыми и бедными странами. Отсюда можно предположить, что «всеобщий закон капиталистического накопления» верен лишь в той части, в которой говорится об относительном обнищании.

В диссертации проводится мысль, что оценка достоверности данного прогноза К. Маркса зависит от понимания логики «Капитала», ключом к которой является «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля. Хотя, как показал В.А.Вазюлин, логика «Капитала» есть а диалектическое «снятие» «Науки логики», т.е. углубление и прояснение ее, наполнение конкретным содержанием, тем не менее в полном, развернутом виде диалектическая логика по сей день представлена лишь в этом гениальном произведении классика немецкой философии. Следовательно, реконструируя логику «Капитала», мы должны иметь в виду ее основания, лежащие в «Науке логики», постоянно обращаться к ним для уточнения подлинного логического смысла тех или иных разделов фундаментального труда К.Маркса.

Всеобщий закон капиталистического накопления гласит, что рост капитала ведет к росту бедности. Однако это означает, что всеобщий закон капиталистического накопления в своем основании имеет закон прибавочной стоимости. Действительно, капиталистическое накопление возможно только потому, что возможно производить прибавочную стоимость. Последняя же производится тогда, когда деньги встречают специфический товар – рабочую силу. В логическом аспекте такая ситуация возникает в момент перехода из сферы *бытия* в сферу *сущности* капиталистического способа производства. Но сама прибавочная стоимость возникает не в момент этой встречи в сфере *бытия* (сфере обращения), а непосредственно в сфере *сущности* (сфере производства), когда потребляется потребительная стоимость рабочей силы. Всеобщий же закон капиталистического накопления вступает в силу уже по завершению этого процесса, в момент перехода из сферы *сущности* в сферу *явления*. Бедность есть следствие, а не *полное основание* капиталистического накопления.

Если считать данный закон *полным основанием* капиталистического накопления, то трудно объяснить улучшение материальных условий жизни трудящихся, снижения уровня бедности сначала в странах Запада, а несколько позднее в некоторых других странах мира. Если же мы говорим об этом законе как о *переходе сути в существование*, то становится понятным, почему К.Маркс говорил о том, что указанный закон «модифицируется многочисленными обстоятельствами». Высказывание классика означает, что всеобщий закон капиталистического накопления следует рассматривать как «тенденцию». Тенденция же не может быть *полным основанием* чего-либо.

Критические замечания, которые имеют цель опровергнуть прогноз об относительном и абсолютном обнищании широких масс населения в

капиталистическом обществе, правомерны только тогда, когда «всеобщий закон капиталистического накопления» в логическом аспекте отождествляется с *полным основанием* сущности. Если же мы говорим об этом законе как о *переходе сути в существование*, т.е. как о связующей сфере *сущности* и сфере *явления* логической категории, то тогда известные критические замечания в его адрес служат лишь иллюстрацией данного закона.

Законы цены производства, циклов накопления капитала и тенденции нормы прибыли к понижению, также выполняющие прогностическую функцию, в логическом аспекте суть законы сферы *действительности* капиталистического способа производства. Выявленные в сфере *действительности* законы-тенденции позволяют лучше понять, почему содержащиеся в первом томе «Капитала» прогнозы не реализовались и не могли реализоваться в чистом виде. Прежде всего это касается известного прогноза К. Маркса, в котором говорится об упразднении капиталистической частной собственности. Таким образом, мы приходим к выводу, что содержащиеся в «Капитале» спорные прогнозы исторически достоверны.

В четвертом параграфе – **«Использование методологии «Капитала» К. Маркса в социальном прогнозировании»** – на примере «Логики истории» В.А. Вазюлина раскрывается «механизм» реализации прогностической функции методологии «Капитала» в современном общественном знании.

Концепция отечественного философа демонстрирует, что метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет сегодня заглянуть за линию исторического горизонта капиталистического общества.

Вместе с тем в «Логике истории» обнаруживается ряд отклонений от материалистического понимания истории: 1) положение об исходном историческом отношении как природном и вытекающий из него принцип отставания развития производительных сил от производственных отношений; 2) построение периодизации истории на несущественных с точки зрения *сущности* общественных отношений «природных» связей; 3) принятие принципа экологического детерминизма в качестве основополагающего; 4) тезис от абсолютной ограниченности природных ресурсов; 5) недооценка роли субъекта истории – самого человека и его труда.

В то же время «Логика истории» В.А. Вазюлина имеет для нас определенную методологическую значимость в социально-философском аспекте, которая заключается в следующем. Совершенно справедливо, на наш взгляд, что объектом социально-философского прогнозирования выступает не какое-либо отдельное общество, а *общество вообще* как «органическое» целое. Конечно, исследователь должен отдавать себе отчет в том, что речь идет о некоем методологическом допущении, поскольку *общества вообще* не было и нет в реальной исторической действительности. Но благодаря такому исследовательскому приему впоследствии удастся

выявить «главное направление» (В.А. Вазюлин) всемирно-исторического развития.

Между тем не следует путать данную логическую операцию с сугубо умозрительным «конструированием» социальной реальности. Принцип материализма требует отталкиваться в историческом познании от самой истории, законы которой универсальны и носят объективный характер. А универсальность, или всеобщность, исторических законов лучше всего отражается в категории *общества вообще*, вбирающей в себя «сущность всеобщего».

Не может быть сомнений в том, что метод должен быть адекватен теории. В диссертационном исследовании мы пришли к выводу, что материалистическое понимание истории является более надежным основанием метода восхождения от абстрактного к конкретному, чем идеалистическое. Конкретизацией материалистического понимания истории выступает формационная теория К. Маркса, которая в современном обществознании имеет различные версии интерпретации. Их анализ с точки зрения диалектико-материалистических оснований социального прогнозирования стал задачей **третьей** главы – **«Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования и контрверзы формационной теории в современном обществознании»**.

Первый параграф – **«Формационная теория и технологический детерминизм»** – касается проблемы интеграции формационной теории и принципа технологического детерминизма.

Современные исследователи, разделяющие принципы марксизма, нередко для характеристики состояния, тенденций и перспектив развития капитализма XXI века используют термины, заимствованные из концепций постмодернизма и постиндустриализма. Проблема состоит в том, что вместе с терминологией в исследования современных марксистов проникают чуждые последнему идеи: умаляется значимость труда и человека труда, творчество противопоставляется труду, отрицается определяющая роль экономики в жизни общества и т.д. и т.п.

В.А. Вазюлин предпринял попытку придать более строгую логическую форму теории общественно-экономических формаций К. Маркса, но он стремился реализовать поставленную цель путем «снятия» материалистического понимания истории. Его прогноз, по существу, строится на «переключении» исторического процесса с режима действия принципа экологического детерминизма на режим действия принципа технологического детерминизма. В самом деле, ведь достижение наивысшей стадии развития общества, его «зрелости» есть заслуга «автоматизированного производства».

Очень близкой по своему характеру и замыслу к концепции В.А.Вазюлина является версия формационной теории, предложенная философом А.Д. Майданским, в которой «автоматизированное производство» («автоматические машины») – решающий фактор в становлении так называемой «посткапиталистической» формации.

Возражения против внедрения принципа технологического детерминизма и сциентизма в формационную теорию можно подкрепить фактическими данными, причем многие из них содержатся в работах теоретиков постиндустриализма и постмодернизма. Ирония в том, что теории постиндустриализма и постмодернизма сегодня во многих чертах воспроизводят те же самые положения, что присутствовали в теории «научного коммунизма» в пору существования советского обществознания. Разница же в том, что явления, которые рассматривались советскими теоретиками исключительно как достижения и атрибуты будущего коммунистического общества, теоретиками постиндустриализма и постмодернизма интегрируются в систему воспроизводства так называемого «когнитивного» капитализма, т.е. современного капитализма, в котором наука и технология (включая пресловутое «автоматизированное производство») поставлены на службу капиталу, полностью сращены с ним и ему подчинены. И все это уже имеет место не только и не столько в теории, сколько на практике.

Наука и производство идей оказались вовсе не так неподатливы капитализации, как это представляется некоторым марксистским исследователям. Продукты подчиненного капиталу интеллектуального труда довольно легко подпадают под действие частного права. Правовая же защита интеллектуальной собственности – не менее грозное орудие насилия, применяемое капиталом для собственного воспроизводства, чем юридическая защита какой-либо «опредмеченной» («овеществленной») формы собственности, и обеспечить такую защиту, превращая способности, знания, навыки и умения индивида в «человеческий капитал», не труднее, чем предотвратить обычные кражи.

Тем более не стоит переоценивать в становлении коммунистического («посткапиталистического») общества значение «автоматизированного производства». Как доказывает экономист И. Ставинский, автоматизация и роботизация производства могут успешно разрешить многие противоречия капиталистического способа производства без изменения общественного строя как такового, но лишь поспособствовав переходу капитализма на новую (более прогрессивную) ступень своего развития.

Итак, идея «автоматизированного производства» как главного фактора перехода капитализма к коммунизму не выдерживает критики. Технологический детерминизм и сциентизм отрицают материалистическое понимание истории и уводят от понимания сути формационной теории, снижая ее прогностический потенциал.

Во **втором** параграфе – **«Формационная теория, культурологический детерминизм и цивилизационный подход»** – внимание заостряется на влиянии на формационную теорию принципа культурологического детерминизма и попытках синтеза формационного и цивилизационного подходов. Если присмотреться к концепциям некоторых современных марксистов, то можно обнаружить в них нарушение принципа исторического монизма, соскальзывание к многофакторному подходу и

эклектичность теоретических выводов и социальных прогнозов. Указанный недостаток имеют как раз те концепции, в которых формационная теория совмещается с принципом культурологического детерминизма. Результаты такого «симбиоза» в общем виде могут быть сформулированы следующим образом. Во-первых, «базис» общества не есть «величина постоянная», а представляет собой переменный фактор; во-вторых, коммунизм (социализм) есть общество, «базисом» которого является культура; в-третьих, смена «базиса» есть результат «волевого» решения, принятого самим обществом, т.е. никаких законов общества как объективных (независящих от сознания людей) связей на самом деле не существует.

Механизм трансформации экономического «базиса» в культурный таков: по мере превращения науки в главную производительную силу экономика будет поглощаться культурой, пока полностью не растворится в последней. Втиснуть же культуру в прокрустово ложе законов рынка не представляется возможным. Однако данный тезис не согласуется с фактами. Существование патентов, авторского права, платного образования и системы грантов свидетельствует, что коммерциализация есть удел не только собственно экономики, но и всех остальных сфер жизнедеятельности современного общества, включая культуру. Иначе говоря, в капиталистическом обществе глубокие корни пускает «культурный фетишизм», ничем не отличающийся по своей природе от «товарного фетишизма» в экономике. Культура же, превращенная в «фетиш», не может нести в себе никакого освободительного потенциала, а, напротив, служит орудием духовного закрепощения человека, подчинения его интересам капитала. Все это уже было известно представителям Франкфуртской школы. Сегодня эти идеи развивают С. Жижек, З. Бауман и другие исследователи, отмечающие, что современные люди превратились в потребителей «субъективных переживаний» и «коллекционеров ощущений». Сторонники культурологической интерпретации теории К. Маркса считают, что духовная деятельность не может быть подчинена законам рынка. Но социальная практика, к сожалению, нам говорит о другом. Современное искусство, например, давно уже функционирует по закону стоимости, хотя это и негативно отразилось на качестве самих произведений. Не лучше обстоят дела и в науке.

Кроме того, концепция макдональдизации американского социолога Дж. Ритцера демонстрирует, что рано говорить о закате эпохи фордизма, поскольку последний не только не ослаб, а распространился на сферу услуг, превратившись в «макдональдизм» (термин является производным от названия глобальной сети ресторанов быстрого питания). Такой принцип макдональдизма, как «просчитываемость», опровергает тезис о том, что производство услуг не поддается измерению рабочим временем, а потому закон стоимости якобы перестает здесь действовать. Причем речь идет о таких сферах, как здравоохранение, наука и образование, повышение значимости которых Д. Белл считал верным признаком становления «постиндустриального» общества.

Эмпирические данные и приведенные выше критические суждения заставляют нас признать культурологическую версию марксистской теории идеалистической. Она не только не согласуется с реалиями жизни современного общества, но и противоречит материалистическому пониманию истории. Поскольку в ее основе лежит принцип культурологического детерминизма, то отсюда следует, что этот принцип несовместим с формационной теорией.

К культурологическому детерминизму тяготеет цивилизационный подход. Позиция постсоветских марксистов, выступающих за симбиоз формационной теории и цивилизационного подхода, сближается с точкой зрения советских политэкономов «товарников». Отличие состоит лишь в том, что теперь рынок ассоциируется не с социализмом, а с цивилизацией. Рынок – атрибут цивилизации. Раз так, то рыночные отношения приобретают непреходящий характер, они вечны и универсальны, что, конечно же, противоречит не только методологии формационного подхода, но и историческим фактам.

Методологическая ошибка сторонников цивилизационного подхода заключается в том, что их представления о социальных институтах утрачивают историчность. «Цивилизационщики» абсолютизируют имеющиеся различия между институтами сравниваемых ими обществ или цивилизаций, воспринимают их как некие социокультурные инварианты, тогда как с диалектической точки зрения ничего неизменного нет.

Представители цивилизационного подхода нередко упрекают формационную теорию за ее методологическую индифферентность к вопросу о цивилизационной специфике исторического процесса, за то, что категория общественно-экономической формации игнорирует культурное многообразие, или вариативность, общественного развития. Между тем предметом анализа в формационной теории являются не только межформационные переходы и различия, но и внутрiformационные, что, в частности, нашло выражение в разработанном М.А. Баргом «принципе предельности».

Стремление диалектики проникнуть вглубь изучаемых процессов, раскрыть их сущность не имеет ничего общего с пресловутым редуccionизмом. Так, основоположники постсоветской школы «творческого марксизма» А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, обращая внимание на нелинейность и дискретность переходов незападных обществ к капитализму, развивают такое направление в социальной науке, как «диалектика мультисценарной эволюции». В данной методологической установке заключается огромный эвристический потенциал формационной теории, который сможет себя проявить не только при объяснении сложных перипетий российской и мировой истории в прошлом, но и в случае научного предсказания будущего.

В третьем параграфе – **«Формационная теория и глобально-эстафетный принцип»** – анализируется «глобально-формационный» подход

к истории, предложенный и разработанный крупным отечественным специалистом в области философии истории Ю.И. Семеновым.

В своем фундаментальном труде «Философия истории» Ю.И. Семенов защищает формационную теорию, очищая ее «ядро» (материалистическое понимание истории) от налепившихся на него вульгаризмов. Во-первых, это касается положения, что всякое общество (Ю.И. Семенов использует термин «социор») проходит через все стадии формационного развития. На самом деле во всей истории человечества не найдется ни одного общества, которое бы сменило хотя бы две формации. Так, например, западноевропейские общества знают только один межформационный переход – от феодализма к капитализму. Что касается рабовладельческой формации, то вместе с ее гибелью погибло и само общество. Отсюда следует, во-вторых, что действием одних лишь внутренних (эндогенных) причин невозможно объяснить все межформационные переходы. Существуют также внешние (экзогенные) причины. Так, например, феодализм есть результат синтеза рабовладельческой формации разрушенного древнеримского общества и уже начавшей к тому времени разлагаться первобытнообщинной формации древнегерманских обществ. Таким образом, исторический переход от одной формации к другой может быть обусловлен как внутренними, так и внешними причинами. В случае межформационного перехода, обусловленного внутренними причинами, мы имеем дело с «линейным» механизмом; в противном случае – с «эстафетным». Каждый из механизмов межформационного перехода за всю историю человечества срабатывал дважды: «линейный» – при становлении «древнеполитарной» и капиталистической общественно-экономических формаций; «эстафетный» – при становлении рабовладельческой (античной) и феодальной общественно-экономических формаций. Значит, в-третьих, требуется отказаться от традиционного для советского обществознания «линейно-формационного» подхода, заменив его на разработанный Ю.И. Семеновым «глобально-формационный» подход. Последний учитывает не только «линейный» механизм (получивший в концепции название «эндогенной стадияльной трансформации») перехода от одной формации к другой (когда смена формаций происходит самостоятельно внутри отдельного общества), но и «эстафетный» (когда переход от одной формации к другой представляет собой передачу исторической эстафеты от одного общества другому). В-четвертых, в странах Востока и России никогда не было рабовладельческой формации и феодализма. Там до прихода капитализма существовал Марксов «азиатский способ производства», для обозначения которого Ю.И. Семенов предпочитает использовать термин «политарная формация». В-пятых, СССР не был социалистическим обществом. Общественный строй в нем не претерпел существенных изменений в сравнении с дореволюционной Россией. Он оставался политарным по своей сути, но создал индустриальную материально-техническую основу. Поэтому советское общество было «индустрополитарным», или, что одно и то же, «неополитарным».

С некоторыми из высказанных замечаний можно согласиться. В частности, важно признать, что ни один из «социоров» не проходил через все формационные стадии развития. Также заслуживает одобрения тезис, что в СССР не был построен социализм. Вместе с тем предложенный «глобально-формационный» подход не является строго логическим, поскольку он не в меньшей степени обременен недостатками «односторонне-индуктивного способа обобщения» (Э.В. Ильенков), чем традиционный «линейно-стадиальный» подход.

Методология «глобально-формационного» подхода нарушает принцип монизма, соскальзывает к дуализму. «Линейный» принцип указывает на существование так называемых «межстадиальных» связей, а «эстафетный» – «межсоциорных». Задача исторической теории заключается в том, чтобы раскрыть закономерный характер межстадиальных переходов. Исторический монизм предполагает, что причина последних должна быть всегда одной и той же. Если руководствоваться «линейным» принципом, то причину перехода «социора» в следующую стадию развития необходимо искать внутри самого «социора»; если руководствоваться «эстафетным» принципом – то вне данного «социора». Ю.И. Семенов настаивает на том, что во всемирной истории попеременно действует то одна, то другая причина. Следовательно, не один, а два фактора суть причины межстадиальных переходов, что противоречит духу исторического монизма.

В своем историческом прогнозе автор «Философии истории» говорит об «объективной» необходимости прихода коммунистической общественно-экономической формации на смену капиталистической. Прогноз предполагает и «пессимистический» сценарий, отрицающий коммунистическую перспективу. Но это лишь формальная возможность, или историческая случайность. Таким образом, прогноз монистичен, а не плюралистичен. Однако монистический прогноз не согласуется с дуализмом «глобально-формационного» подхода. Действительно, из «эстафетного» принципа нельзя вывести «объективную» необходимость становления коммунистической общественно-экономической формации. Ю.И. Семенов в своем прогнозе невольно сближается с теми исследователями, которые в становлении социализма усматривают, прежде всего, решающее значение внешнего фактора.

У любого исторического процесса есть своя внутренняя причина. Если «социор», как на том и настаивает сам Ю.И. Семенов, представляет собой «исторический организм», следовательно, у него есть своя история, а значит, и внутренняя причина исторического развития. Знания этой внутренней причины вполне достаточно для того, чтобы проникнуть в закономерности развития «социора». По отношению к развитию «социора» все «межсоциорные» связи будут носить внешний, или случайный, характер.

Но как же тогда быть с тем фактом, что не один из «социоров» в своем развитии не проходил через все известные общественно-экономические формации? Выйти из этого затруднительного положения никак не удастся, если продолжать руководствоваться «односторонне-индуктивным способом

обобщения», с помощью которого и было получено понятие «социора». Между тем диалектика всеобщего, особенного и единичного дает нам ключ к разгадке данной головоломки. Прежде всего, понятие «социор» фиксирует в себе то *единичное*, что присуще *обществу вообще*. Следовательно, нет такого «социора», который хоть в чем-то не отличался от другого «социора». Уже в этом заложено ограничение формационного разнообразия отдельно взятого «социора» в сравнении с широким формационным спектром всех «социоров». Однако при всех имеющихся различиях «социоры» должны иметь в себе нечто общее, что позволяет о них говорить именно как о «социорах». Это есть *всеобщее*, выступающее по отношению к отдельным обществам в качестве *субстанции*. Связующим звеном между *всеобщим* и *единичным* служит *особенное*, которое одни «социоры» делает типологически схожими, а другие – типологически различными. В формационной теории типологические сходство и различия отражаются в понятии «общественно-экономическая формация».

Стоит особо подчеркнуть, что речь идет о диалектике всеобщего, особенного и единичного *общества вообще*, понимаемого как *конкретно-всеобщее*, а не отдельно взятого, эмпирически определяемого общества («социора» в терминологии Ю.И. Семенова). Если предметом теории становится *общество вообще*, то интерес к «межсоциорным» связям ослабевает, а «эстафетный» принцип утрачивает познавательную ценность по мере восхождения от абстрактного к *конкретно-всеобщему*.

В четвертом параграфе – «**Формационная теория и мир-системный анализ**» – исследуется родственный формационному подходу мир-системный анализ (МСА), его способность дополнить формационную теорию и усилить ее прогностическую функцию.

Основоположник школы МСА И. Валлерстайн присоединяется к тем исследователям, которые бросают эпистемологический вызов классическому рационализму. Из его рассуждений вытекает, что МСА ориентируется прежде всего не на сильную (диалектическую), а на слабую сторону методологии синергетики, когда речь заходит о социальном прогнозировании, т.к. именно идея отсутствия определенности в теории неравновесных систем американскому социологу кажется особо привлекательной.

Ситуация неопределенности возникает в момент перехода от одной исторической системы к другой. Научно предсказать будущую историческую систему И. Валлерстайн не берется, но прогнозирует крах современной мир-системы (СМС), выделяя четыре тренда, приближающих СМС к историческому финалу: 1) исчезновение деревенской жизни; 2) рост социальных затрат; 3) демократизация общественно-политической жизни; 4) крушение антисистемных движений «старых левых».

Первые три тенденции имеют негативные экономические последствия для накопления капитала, поскольку ведут к снижению нормы прибыли. Последняя тенденция, как это ни парадоксально, повышает политические риски для господствующего класса, т.к. между ним и «опасными классами»

больше нет никаких посредников, которые бы институционализировали социальные протесты, тем самым стабилизируя функционирование СМС.

Одной из наиболее интересных теоретических разработок школы МСА является концепция «системных циклов накопления» мирового капитала Джованни Арриги. За теоретическую основу итальянский ученый берет «всеобщую формулу капитала» К. Маркса, элементы которой предстают как исторические фазы системного цикла накопления мирового капитала: 1) фаза Д – Т есть историческая эпоха материальной экспансии; 2) фаза Т – Д' есть историческая эпоха финансовой экспансии. История же капитализма предстает как череда четырех системных циклов накопления мирового капитала: 1) генуэзский; 2) голландский; 3) британский; 4) американский. Каждый следующий системный цикл накопления был диалектическим отрицанием предыдущего. Это значит, что наиболее характерные черты предыдущего системного цикла накопления становились малохарактерными для следующего системного цикла. Третий же системный цикл являлся отрицанием отрицания, т. е. как бы возвратом к первому, но на более высоком уровне развития капитализма.

Переходы от одного системного цикла к другому Дж. Арриги объясняет с помощью закона тенденции нормы прибыли к понижению. Иначе говоря, необходимость перехода к другому режиму накопления капитала возникает тогда, когда дальнейшее расширение производства и торговли в капиталистической мир-экономике в целом становится невыгодным. Мировой капитал уходит в сферу финансовых спекуляций либо вообще покидает экономическое поприще, будучи конвертированным в развитие культуры (Ренессанс – яркий тому пример), меценатство и т.д. Это есть так называемый «сигнальный кризис». Окончательная замена существующего режима накопления капитала новым происходит в результате так называемого «терминального кризиса». Дж. Арриги удалось эмпирически определить временные интервалы между сигнальными кризисами первого (генуэзского) и второго (голландского), второго и третьего (британского), третьего и четвертого (американского) системных циклов накопления капитала. Они составили соответственно 180, 130 и 100 лет. Обнаруженная тенденция указывает на сокращение времени наступления каждого нового сигнального кризиса.

Концепция Дж. Арриги может выполнять прогностическую функцию, что делает ее привлекательной с научной точки зрения. Например, поскольку сигнальный кризис американского системного цикла накопления капитала уже наступил примерно около 1970 года, то можно ожидать, что новый сигнальный кризис следующего (за американским) системного цикла накопления капитала произойдет уже в первой половине XXI столетия. Дж. Арриги предвещает смещение центра капиталистической мир-экономики из США в Восточную Азию, но предполагает три возможных сценария дальнейшего хода всемирной истории: 1) образование «посткапиталистической мировой империи» старыми центрами капитализма во избежание утраты ими военно-политической гегемонии в мире; 2)

образование «посткапиталистического мирового рыночного общества» в результате смены старого «караула» (США) новым (Япония/Китай) у «командных высот» капиталистической мир-экономики; 3) воцарение «системного хаоса», что может означать, как крах капитализма, так и конец истории человечества вообще.

Все три сценария едины в том, что история капитализма все-таки закончится. Но вопреки К. Марксу конец капитализма наступит не в силу обострения противоречий между трудом и капиталом, а в силу возрастания конкурентной борьбы (экономической и военно-политической) между мировыми центрами (старыми и новыми) его накопления. Дело в том, что сфера труда (материального производства) в данной версии МСА не затрагивается. Будучи сторонником трехчастной схемы экономики Ф.Броделя, Дж. Арриги концентрирует внимание только на ее «верхнем этаже». Он признает ограниченность своей «исследовательской программы», поскольку в ней упускаются из виду два «нижних этажа» – рыночная экономика и материальная жизнь.

Достоинство концепции Дж. Арриги заключается в применении диалектического метода. Но реализовать его полностью не удалось, поскольку для этого бы потребовалось отказаться от броделевской трехчастной схемы экономики, разграничивающей капитализм («противорынок»), рыночную экономику и материальную жизнь (материальное производство). Тогда бы сразу стало ясно, что рынок и «противорынок» составляют диалектическое единство капитализма на уровне *явления* (сферы обращения), что *сущность* капитализма скрыта в материальном производстве и что, наконец, диалектическое единство материального производства и сферы обращения есть *действительность* капитализма. Поэтому-то К. Маркс, используя диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, не только спустился на самый «нижний этаж» капиталистической экономики, но побывал на всех ее «этажах».

МСА отчасти отклоняется от монистической интерпретации истории. Это проявляется в том, что альтернативные варианты исторического развития рассматриваются как рядоположенные. Вместе с тем МСА (как и «глобально-эстафетная» версия формационной теории) имеет под собой материалистические основания (в отличие от цивилизационного подхода и разного рода культурологических интерпретаций формационной теории). Поэтому в процессе социального прогнозирования будущему методология МСА может способствовать различению формальных и реальных альтернатив исторического развития. Иначе говоря, если цивилизационный подход ослабляет прогностический потенциал формационной теории, а потому эти подходы проблематично рассматривать как совместимые в области социального прогнозирования, то МСА дополняет формационную теорию, усиливая ее прогностический потенциал в пространственном аспекте. Избыточность МСА обнаруживается тогда, когда в трактовке теории трудовой стоимости происходит откат от К.Маркса к А. Смиуту (Дж. Арриги),

в трактовке капитализма как «противорынка», наконец тогда, когда за различиями (геоэкономическими, геополитическими и геокультурными) между «ядром» и «периферией» теряется из виду их тождество.

В четвертой (заключительной) главе – «Адаптация диалектико-материалистического подхода к задачам современного социального прогнозирования» – решается задача использования диалектико-материалистического подхода в области социального прогнозирования с учетом наметившихся в современном обществе тенденций.

В первом параграфе – «Специфика социального прогнозирования на нисходящей стадии формационного развития» – исследуется способность метода восхождения от абстрактного к конкретному прогнозировать момент прехождения социально-экономической системы современного общества.

В диссертации дается характеристика и критическая оценка состояния дел в основных сферах жизнедеятельности современного общества – в экономике, политике, культуре, социальной подсистеме. Представители школы МСА (Дж. Арриги и И. Валлерстайн) усматривают в наблюдаемых кризисных явлениях симптомы глубокой трансформации СМС, момент ее исторического прехождения. Другими словами, СМС вступила в нисходящую стадию своего развития и приближается к своему историческому финалу. Методология МСА, на наш взгляд, не позволяет быть уверенным в таком выводе. Более надежным способом верификации прехождения СМС является метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Капиталистический способ производства есть экономическая основа современного общества. В «Капитале» благодаря методу восхождения от абстрактного к конкретному была выстроена система политэкономических категорий капитализма в строго логическом порядке. Эта система имеет несколько логических уровней (сфер): 1) *бытие*; 2) *сущность*; 3) *явление*; 4) *действительность*. Поскольку капитализм представляет собой исторически преходящий способ производства, постольку дальнейшее логическое восхождение предполагает *снятие* противоречий данной системы. Причем предпосылки (*начало*) новой системы имплицитно содержатся в предыдущей, а поэтому задача заключается в их экспликации. В логическом аспекте искомые предпосылки новой системы находятся в сфере *действительности* старой системы, т.к. именно эта сфера представляет собой логическое завершение (окончание) предыдущей системы. Здесь мы должны обнаружить, говоря словами К. Маркса, ту «более конкретную категорию», которая впоследствии превратится в чистую абстракцию более «развитой формы общества». Движение мысли, таким образом, в случае познания будущего общества с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному несколько отличается от того, которое имеет место при познании с применением того же метода уже существующего, вполне зрелого общества. Если К. Маркс настаивал на том, что политэкономия должна изучать предмет, отправляясь от «тощей»

абстракции, а не от «хаотического представления о целом», то это требование справедливо только потому, что речь идет об исследовании развитого предмета. Напротив, «хаотическое представление о целом» есть исходный пункт в исследовании тогда, когда перед нами только предпосылки зарождающегося предмета, который в эмбриональном виде находится в чреве другого предмета, составляя с последним «органическое целое». Отсюда понятно, почему именно «более конкретная», а не более абстрактная категория должна прежде всего стать объектом научного анализа.

Выявление атипичных явлений на логическом уровне *действительности* может стать отправным пунктом в прогнозировании направленности системной трансформации. Поскольку речь идет о «хаотическом представлении о целом», то ведущим методом на начальном этапе прогнозирования будет выступать индукция. Индукция не может гарантировать истинность результата. Другими словами, поиск атипичных явлений, выбор среди них тех, которые в дальнейшем превратятся в абстрактную сущность будущей системы, носит вероятностный характер, а, следовательно, случайность ошибки не исключена.

Среди атипичных экономических явлений современного общества выделяется *рента*. О ее стремительно растущих масштабах и роли пишут сегодня такие исследователи, как И.Валлерстайн, К. Верчеллоне, С. Жижек, Д.С. Львов, Ю.В. Яковец и др. Их наблюдения хорошо верифицируются.

Об исторической исключительности складывающейся ситуации, выделяющей ее из уходящей вглубь истории капитализма череды локальных крахов капитализма (в Северной Италии и т.д.) и серии циклических кризисов, можно было бы вести речь, если бы было доказано следующее: 1) имеющая распространение в современной экономике так называемая «рента» не есть лишь эвфемизм монополистической прибыли, а представляет собой докапиталистическую форму ренты; 2) тенденция перехода от прибыли к докапиталистической форме ренты приобрела глобальный или тотальный характер.

Во **втором** параграфе – **«Прогностическая функция «закона зеркальности»»** – изучаются последствия трансформации социально-экономической системы современного общества с точки зрения основного закона «диалектики регресса» (А.В. Бузгалин) – «закона зеркальности» (А.А. Зиновьев), согласно которому социальные законы восходящей формационной стадии развития общества преобразуются в нисходящей фазе таким образом, что они начинают действовать «наоборот».

К проявлениям «закона зеркальности» относятся распространение рентных отношений в экономике, деформация закона стоимости и системы наемного труда, образование общей нормы прибыли в сфере обращения, а не в сфере производства и т.д. Вместе с тем закон стоимости начнет ослабевать лишь тогда, когда по мере развития производительных сил занятость в сфере производства упадет до предельного минимума. Сначала собственники средств производства, а затем и собственники «средств потребления» (Дж. Ритцер) перестанут нуждаться даже в дешевой рабочей силе. В условиях

капиталистического способа производства такая ситуация породила бы глубокий экономический кризис, т.к. капитал из-за массовой безработицы не смог бы реализовать произведенную прибавочную стоимость. В этот момент может возникнуть историческая развилка, или «бифуркация», как предпочитают говорить синергетики и представители школы МСА.

С точки зрения «диалектики мультисценарной эволюции» (А.В.Бузгалин) в ходе прогрессивного исторического развития возможны внутриформационные попятные движения, когда и вступает в силу «закон зеркальности». Поскольку общественно-экономическая формация есть совокупность «единичных обществ» (М.А. Барг), то «закон зеркальности», затрагивая одни «единичные общества», обходит стороной другие. Движение по нисходящей линии социального развития несет в себе риск сползания «единичного общества» в более примитивную, или архаичную, общественно-экономическую формацию. Тем не менее общая прогрессивная направленность исторического развития не сменяется на регрессивную, т.к. это бы означало движение истории по кругу.

Суть исторической развилки заключается в расхождении восходящей и нисходящей траекторий внутриформационного развития «единичных обществ». Наш анализ позволяет выделить две таких разнонаправленных траектории, а следовательно, два возможных будущих сценария прехождения капиталистической общественно-экономической формации. «Закон зеркальности» указывает на первый из возможных сценариев – переориентацию капиталистов с получения капиталистической прибыли на поиск некапиталистической ренты.

На второй из возможных сценариев указывает «принцип предельности» (М.А. Барг), раскрываемый в **третьем** параграфе – **«Прогностическая функция «принципа предельности»»**.

Стремительная динамика экономического развития Китая и ряда других стран «периферийной» зоны мирового капитализма дает надежду, что изложенный в предыдущем параграфе пессимистичный сценарий будущего никогда из формальной возможности не превратится в реальную действительность. Но кроме надежды существуют и теоретико-методологические основания. Дело в том, что «принцип предельности» отражает внутриформационные различия не только между «единичными обществами», но и внутри них самих. Он ориентирует социальное прогнозирование на прогрессивный сценарий. Иначе говоря, какими бы редументарными нам не казались некоторые социально-экономические явления, «принцип предельности» позволяет их теоретически удерживать в рамках капиталистической общественно-экономической формации. Отсюда возникает не регрессивная, а прогрессивная историческая перспектива. Особенно это важно для понимания будущего России, которая, будучи частью «периферии» СМС, имеет неразвитые формы капиталистических отношений.

Если об общественном строе, возникшем в СССР, А.В. Бузгалин отзывается как о «мутантном социализме», то общественный строй в

современной России можно назвать «мутантным капитализмом». В обоих случаях «мутантность» есть следствие сохранения «азиатского», или «политарного» (Ю.И. Семенов) способа производства, докапиталистических рентных механизмов воспроизводства классовых различий. В нашей стране господствующий класс – это класс рантье, чей бизнес неотделим от государства и политической власти, чья собственность нередко есть лишь условное владение, чьи доходы часто лишь кажутся прибылью и превращаются в свободный капитал лишь за пределами российской юрисдикции. Показательно, что отрасли экономики, не приносящие ренты, являются либо малоприбыльными, либо убыточными вообще. Экономический «рост» в нулевые годы, как показывают подсчеты отечественных ученых, был главным образом обусловлен внешними, а не внутренними обстоятельствами (исключительно благоприятной мировой конъюнктурой цен на углеводородное сырье). В российских условиях как будто подтверждается теория Й. Шумпетера: экономика, функционирующая по законам рынка, не приносит прибыли. В то же время широко распространенной является практика преступного присвоения активов предприятия, превращения их в источник «инсайдерской ренты» (Р.С.Дзарасов). Богатство «инсайдеров» растет на фоне банкротств и технологической отсталости, что достигается посредством создания особой «инфраструктуры инсайдерского контроля над активами».

Однако крепостного права в нашей стране нет, а следовательно, нет личной зависимости и внеэкономического принуждения. Основным источником ренты в российской экономике, включая «инсайдерскую», является не рабский труд, а избыток над прибылью как результат эксплуатации наемного труда. Другими словами, речь идет о капиталистической, а не докапиталистической ренте. И Россия, и Китай, и страны Запада суть «единичные общества» одной и той же, капиталистической, общественно-экономической формации. Таким образом, «принцип предельности» выводит наш прогноз на прогрессивный сценарий, предполагающий не только развитие производительных сил, но и становление более прогрессивных, чем капиталистические, производственных отношений.

В последнем параграфе диссертации – **«Прогнозирование социальных революций»** – анализируется революционный потенциал наблюдаемых в современном обществе социальных процессов.

Одной из устойчивых тенденций позднего капитализма является расширение сферы нематериального производства и труда. Нематериальный труд сегодня формально подчинен стоимостным (товарным) отношениям. Поэтому возникает историческая альтернатива: либо формальное подчинение нематериального труда становится реальным, либо нематериальный труд становится свободным, избавляясь от формального подчинения.

Первый альтернативный вариант предполагает обращение капиталистической прибыли в докапиталистическую ренту. Для этого капиталисты должны превратиться в рантье, поставив в личную зависимость

от себя наемный труд. Логика проста: если результаты нематериального труда неотчуждаемы, то неотчуждаемыми от рантье должны стать производители услуг (нематериальных продуктов). С точки зрения диалектики развития производственных отношений это – антипрогрессивная историческая тенденция, тупиковая ветвь социальной эволюции. Поэтому реализация первого варианта представляет собой формальную возможность.

Более вероятным представляется второй альтернативный вариант. Дело в том, что условиям существования капитализма, основывающегося на стоимостных отношениях, противоречит характер нематериального труда, производящего только потребительные стоимости. В исторической перспективе противоречие между нематериальным трудом, производящим потребительные стоимости, и отношением экономической зависимости, в которое он поставлен, достигнет наивысшей степени остроты. Поэтому уже сегодня мы можем указать на тот социальный класс, который пока еще является *формальным* субъектом социальной революции, но превратится в ее *реального* субъекта по мере сужения материального производства. Это – пролетариат, занятый в сфере нематериального труда (производства).

В **заключении** диссертации излагаются ключевые выводы, полученные в ходе исследования, обобщаются наиболее важные результаты.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

в монографиях:

1. *Готнога, А.В.* Прогнозирование истории: теория и методология / А.В.Готнога. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 227 с. (13,72 п.л.).
2. *Готнога, А.В.* Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования: Монография / А.В. Готнога. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. – 264 с. (18,8 п.л.).

в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК:

3. *Готнога, А.В.* Синергетика и нелинейные теории социальных изменений / А.В. Готнога // *Философия и общество*. – 2010. – № 2 (58). – С. 105-115 (0,66 п.л.).
4. *Готнога, А.В.* Общество как исторический процесс и антиисторизм социальных наук / А.В. Готнога // *Гуманитарный вектор*. – 2011. – № 2 (26). – С. 11-14 (0,43 п.л.).
5. *Готнога, А.В.* Монистическое или дуалистическое понимание истории? / А.В. Готнога // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. – 2011. – № 5 (11): в 4-х ч. – Ч. III. – С. 25-31 (0,76 п.л.).
6. *Готнога, А.В.* Против принципа «физической темпоральности» в историческом прогнозировании / А.В. Готнога // *Полигнозис*. – 2011. – № 1. – С. 8-11 (0,45 п.л.).

7. *Готнога, А.В.* К критике метафизических оснований прогнозирования исторического процесса / А.В. Готнога // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 117-121 (0,5 п.л.).
8. *Готнога, А.В.* Идеалистическое и материалистическое понимание истории: проблема демаркации / А.В. Готнога // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. VI. – С. 41-45 (0,45 п.л.).
9. *Готнога, А.В.* Беспорядки на Ближнем Востоке и в Великобритании: тождество различий / А.В. Готнога // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012. – № 1 (21). – С. 123-132 (0,75 п.л.).
10. *Готнога, А.В.* Проблема «лишних людей»: диалог мировоззрений / А.В. Готнога // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Серия «Науки о человеке, обществе и культуре»). – 2012. – № 1-2 (9). – С. 101-105 (0,39 п.л.).
11. *Готнога, А.В.* Между Сциллой авторитаризма и Харибдой демократии / А.В. Готнога // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012. – № 5 (25). – С. 143-148 (0,4 п.л.).
12. *Готнога, А.В.* Прогностический потенциал идеалистического и материалистического понимания истории / А.В. Готнога // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – № 1 (26). – С. 76-80 (0,41 п.л.).
13. *Готнога, А.В.* Рентные механизмы воспроизводства будущего общества / А.В. Готнога // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2013. – № 2. – Том 2. Философия. – С. 153-163 (0,69 п.л.).
14. *Готнога, А.В.* Реабилитация диалектики как метода исторического прогнозирования / А.В. Готнога // Дискуссия. – 2013. – № 9 (39). – С. 16-20 (0,58 п.л.).
15. *Готнога, А.В.* Ментальные образы и сущность России / А.В. Готнога // Россия и современный мир. – 2013. – № 4 (81). – С. 49-57 (0,73 п.л.).
16. *Готнога, А.В.* Диалектика становления сервисно-рентного общества / А.В. Готнога // Дискуссия. – 2014. – № 2 (43). – С. 16-20 (0,58 п.л.).
17. *Готнога, А.В.* Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу / А.В. Готнога // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 116-121 (0,62 п.л.).

в других изданиях:

18. *Готнога, А.В.* В поисках парадигмы (генерализирующий и индивидуализирующий подходы в современном обществознании) / А.В. Готнога // Философская мысль: научно-теоретический журнал. – 2005. – № 1-2 (5-6). – С. 54-62 (1,0 п.л.).
19. *Готнога, А.В.* Мир-системные тенденции в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XX-XXI веков / А.В. Готнога // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV Крушановские чтения: материалы III междунар. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 15-16 сентября

- 2005: в 3 т. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-н/А гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 265-270 (0,375 п.л.).
20. *Готнога, А.В.* Трансформация современной мир-системы: основные тенденции / А.В. Готнога // Дальний Восток: наука, экономика, образование, культура в XXI веке: материалы III междунар. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 15-16 сентября 2005 г. и Конкурса молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-н/А гос. пед. ун-та, 2006. – С. 36-46 (0,33 п.л.).
21. *Готнога, А.В.* Постмодернизм и фундаментализм как формы глобальной культуры / А.В. Готнога // Машины. Люди. Ценности: материалы междунар. междисциплинарной науч. конф. (Курган, 20-21 апреля 2006 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2006. – С. 82-84 (0,25 п.л.).
22. *Готнога, А.В.* Диалектика массового и классового сознания / А.В.Готнога // Массовое сознание в России: современное состояние и тенденции изменения: материалы Всерос. заоч. электрон. конф., Комсомольск-на-Амуре, 15 ноября 2006 г. / под общ. ред. Р.Л. Лившица. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2007. – С. 9-14 (0,5 п.л.).
23. *Готнога, А.В.* Россия как социально-экономическая иллюзия / А.В.Готнога // 1917 – 2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социо-культурные параметры): Доклады и выступления. (междунар. науч. конф. 19-20 апреля 2007 г.). – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 213-214 (0,25 п.л.).
24. *Готнога, А.В.* Диалектика капитализма и тринитарная логика развития Китая / А.В. Готнога // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: материалы междунар. науч.-практич. конф. (4–5 октября 2007 г.). В 2 ч. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Амурского гуман.-пед. гос. ун-та, 2007. – Ч.1. – С. 254-258 (0,24 п.л.).
25. *Готнога, А.В.* Патриотизм и псевдопатриотизм / А.В. Готнога // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций. Материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 22-24 сентября 2008 г.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 24-30 (0,5 п.л.).
26. *Готнога, А.В.* Мир-системный анализ, или Возвращение политэкономии окольным путем / А.В. Готнога // Философия социальных коммуникаций. – 2009. – № 3 (9). – С. 67-81 (0,92 п.л.).
27. *Готнога, А.В.* Марксизм и экономика реальных ценностей / А.В. Готнога // Философия как призвание. VII Марксовские чтения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию со дня рожд. проф. В.Д.Жукоцкого (г. Нижневартовск, 6 марта 2009 г.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. – С. 88-94 (0,29 п.л.).
28. *Готнога, А.В.* Конец эпохи социальных революций? / А.В. Готнога // Объективные предпосылки и субъективные факторы революционного разрешения социальных противоречий: материалы Всерос. заоч. электрон. конф. / под общ. ред. Р.Л. Лившица. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2010. – С. 15-25 (0,76 п.л.).

29. *Готнога, А.В.* БРИК или бзик? / А.В. Готнога // Амурский научный вестник: сборник научных трудов. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2011. – С. 22-27 (0,25 п.л.).
30. *Готнога, А.В.* Политэкономия К. Маркса: пережиток прошлого или наука будущего? / А.В. Готнога // Философия и общество. – 2011. – № 4. – С. 73-89 (0,93 п.л.).
31. *Готнога, А.В.* Диалектика идеального: попытка материалистического синтеза / А.В. Готнога // Антропология субъективной реальности: Материалы Всероссийской научной конференции. Хабаровск, Уссурийск, Владивосток, 1-4 июня 2011 г. / Ред. Ю.М. Сердюков, С.В. Пишун, О.А.Рудецкий. – Уссурийск: Издательство Дальневосточного федерального университета (филиал в г. Уссурийске), 2012. – С. 117-121 (0,25 п.л.).
32. *Готнога, А.В.* Формационный тип постсоветской России / А.В. Готнога // Современная Россия: опыт социально-философской диагностики: материалы международной научной конференции (Н. Новгород, 20-21 апреля 2013 г.). – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской гос. медицинской академии, 2013. – С. 65-70 (0,29 п.л.).
33. *Готнога, А.В.* Путинская Россия: пик «могущества» пройден? / А.В.Готнога // Амурский научный вестник. Выпуск 1: сборник научных трудов. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2014. – С. 37-46 (0,56 п.л.).